

**Борьба с преступными группировками
в исправительно-трудовых лагерях и колониях
послевоенного Советского Союза***

Юрий Пилявец

Роман Иваняков

Академия ФСИН, Псковский филиал,
Псков, Россия

**Fighting Criminal Groups in Corrective Labour Camps
and Penal Colonies in the Post-War USSR**

Yuri Piliavets

Roman Ivanyakov

Pskov Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Pskov, Russia

It is impossible to understand the peculiarities of the domestic penitentiary system during later Stalinism and its influence on Soviet society without considering the processes that took place in the Gulag at the time, clarifying the interests and interaction of the actors of these processes. Between the second half of the 1940s and the first half of the 1950s, the USSR's penitentiary system witnessed a confrontation between criminal groups unprecedented in terms of its scale and the number of victims: these have gone down in history as the Bitch Wars. Based on a systemic interdisciplinary approach, the authors try to recreate an objective picture of this confrontation. For this purpose, they analyse the causes and dynamics of the conflict, the composition of the participants, the activity of the penitentiary personnel supposed to resolve it, and the legal framework regulating this activity. The article emphasises that all Gulag society was involved in the confrontation, which rapidly divided into numerous criminal groups. The authors substantiate the thesis that the main cause of the conflict was the

* *Citation:* Piliavets, Yu., Ivanyakov, R. (2022). Fighting Criminal Groups in Corrective Labour Camps and Penal Colonies in the Post-War USSR. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 238–252. DOI 10.15826/qr.2022.1.669.

Цитирование: Piliavets Yu., Ivanyakov R. Fighting Criminal Groups in Corrective Labour Camps and Penal Colonies in the Post-War USSR // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 238–252. DOI 10.15826/qr.2022.1.669 / Пилявец Ю., Иваняков Р. Борьба с преступными группировками в исправительно-трудовых лагерях и колониях послевоенного Советского Союза // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 238–252. DOI 10.15826/qr.2022.1.669.

struggle for camp resources and the right to parasitise in the camp population. It is concluded that the attempts of the camp administration to restore order in the institutions, using some criminals against others, led to an increase in violence and destabilised the entire penal system. Additionally, the authors analyse the dynamics of crimes committed by gangsters, paying close attention to the characteristics of the activities carried out to combat banditry and the normative support of this activity. It is concluded that the administration of the Gulags did not find an effective solution to put an end to criminal terror. The conflict, along with other events that took place in the camp system, forced the country's leadership to start looking for a new concept of the corrective labor system. The confrontation between thieves under the code (Rus. *vory v zakone* literally, "thieves in law") and those who had abandoned the criminal cause (Rus. *otoshedshie*, literally, "the departed") has no clearly established chronological boundaries. Individual excesses took place during the war years and until the early 1960s. The authors limit the time frame of the work to the period between 1947 and 1954, when the most massive, active, and fierce confrontation between criminal communities took place. The work is based on the principles of historicism and objectivity. In preparing the article, the authors used specific historical, logical, legal, statistical, sociological, and other methods of scholarly research.

Keywords: Gulag, groups of prisoners, thieves' law, thieves under the code, the departed, penitentiary crime, correctional labour camps and colonies, camp society

Понимание особенностей функционирования отечественной пенитенциарной системы в период позднего сталинизма, ее влияния на трансформацию советского общества невозможно без рассмотрения процессов, происходивших в гулаговском социуме, без выяснения интересов и характера взаимодействия акторов этих процессов. Во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. в уголовно-исполнительной системе СССР произошло беспрецедентное по масштабу и количеству жертв противостояние преступных группировок, вошедшее в историю как «сучья война». На основании системного междисциплинарного подхода авторы попытались воссоздать объективную картину этого противоборства. С этой целью анализируются причины, динамика конфликта, состав участников, деятельность пенитенциарного персонала по его разрешению, правовая база, ее регламентирующая. В статье подчеркивается, что в это противостояние был вовлечен весь гулаговский социум, ускоренно фрагментировавшийся на многочисленные криминальные группы. Авторы обосновывают тезис о том, что основными причинами конфликта были борьба за лагерные ресурсы, право паразитировать на лагерном населении. Делается вывод о том, что попытки лагерной администрации навести порядок в подчиненных им учреждениях, используя одних уголовников против других, привели к росту насилия, дестабилизации всей уголовно-исполнительной системы. Анализируется динамика преступлений, совершенных бандитскими группировками. Особое внимание акцентируется на характеристике проводившихся мероприятий, направленных на борьбу с бандитизмом, а также на нормативном обеспечении этой деятельности. Сделан вывод

о том, что руководством ГУЛАГа не было найдено эффективного решения по прекращению уголовного террора. Криминальный конфликт, наряду с иными событиями, происходившими в лагерной системе, вынудил руководство страны начать поиск новой концепции исправительно-трудовой системы. Противостояние «воров в законе» и «отошедших» не имеет четко установленных хронологических границ. Отдельные эксцессы имели место в годы войны и вплоть до начала 1960-х гг. Авторы ограничили временные рамки работы 1947–1954 гг. – периодом наиболее массового, активного и ожесточенного противостояния криминальных сообществ. Работа базируется на принципах системности, историзма, объективности. При подготовке статьи авторы использовали конкретно-исторический, логический, историко-правовой, статистический, конкретно-социологический и другие методы научного познания.

Ключевые слова: ГУЛАГ, группировки заключенных, «воровской закон», «отошедшие», «воры в законе», пенитенциарная преступность, исправительно-трудовые лагеря и колонии, лагерный социум

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. исправительно-трудовая система СССР по количеству заключенных и по масштабу решаемых экономических задач переживала апогей своего развития. Вместе с тем в этот период нарастали негативные тенденции, свидетельствовавшие о ее углублявшемся кризисе. Одним из проявлений деградации гулаговской системы стало беспрецедентное по размаху и количеству жертв противостояние различных криминальных группировок заключенных.

Истоки этого конфликта приходятся на 1930-е гг., когда частью криминального мира был принят «воровской закон» – свод неписаных правил поведения, закреплявший господствующее положение воровской элиты в криминальном мире. В соответствии с «законом» полноправными членами воровской общины могли быть только воры, строго соблюдавшие эти правила. В преступной среде их стали называть «воры в законе», «законники». Анализируя историографию темы, можно отметить, что вопросы, связанные с криминальной войной конца 1940-х – середины 1950-х гг., исследованы фрагментарно. Отдельные аспекты этой проблемы рассматривались в работах В. М. Анисимкова, В. А. Анфиногенова, М. Г. Деткова, Г. М. Ивановой, В. А. Козлова, С. И. Кузьмина, М. Путц.

К числу наиболее тяжких нарушений «воровского права» относилось взаимодействие с представителями правоохранительных органов. Лиц, уличенных в этом, называли «суками», «ссучившимися» и, как правило, убивали. В довоенный период таких ренегатов было немного, но в голодные военные годы их количество значительно выросло [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 4. Д. 202. Л. 42]. Часть преступников пошла на сотрудничество с лагерной администрацией, чем поставила себя вне воровского сообщества, но, будучи в меньшинстве, не посягала на воровскую власть.

Ситуация радикально изменилась после окончания Великой Отечественной войны. Начиная с конца 1947 г. конфликт перерастает в массовые столкновения преступных группировок, приобретает характер «тотальной войны» на взаимное уничтожение. Разрастание конфликта было вызвано следующими причинами.

В годы войны из лагерей и колоний в Красную армию было отправлено до 1 млн заключенных, часть из них относилась к профессиональным преступникам.

Начиная с июля 1945 г. проходила массовая демобилизация из рядов Красной (с февраля 1946 г. – Советской) армии. В числе демобилизованных было немало криминальных авторитетов. Часть из них вернулась к воровскому ремеслу и вскоре вновь оказалась в местах заключения, где попыталась занять соответствующее их криминальным заслугам положение. Однако с точки зрения ортодоксальных воров, надев погоны, эти заключенные нарушили «закон», «отошли» от него и, соответственно, перешли в разряд «сук».

К концу 1946 г. резко ухудшилось продовольственное обеспечение мест лишения свободы. Это было вызвано последствиями неурожайного 1946 г. Резкое уменьшение продовольственных ресурсов страны негативно отразилось на обеспечении мест заключения. Кроме того, в 1946 г. практически в два раза повысились пайковые цены, что привело к увеличению расходов по содержанию исправительно-трудовых учреждений (далее – ИТУ) более чем на 80 %. В ГУЛАГе образовался значительный финансовый дефицит, компенсированный бюджетом лишь частично [История сталинского ГУЛАГа, т. 3, с. 234–235]. Следствием этого стали перебои с поставками продовольствия. Продовольственные трудности значительно усугублялись быстрым ростом количества заключенных, явившимся следствием реализации известных указов 1947 г. о борьбе с хищениями государственного, общественного и личного имущества. Помимо активизации борьбы с кражами, были значительно увеличены сроки наказания за этот вид преступления: например, максимальный срок по ст. 162 (кража) вырос с 5 до 25 лет.

С 1 января 1946 г. по 1 января 1948 г. численность заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях (далее – ИТЛ, ИТК) увеличилась почти в два раза (с 1 110 593 до 2 169 252 чел.); в 1950 г. она составила 2 561 351 чел. Численность в 2,5 млн чел. сохранялась практически до амнистии 1953 г., после проведения которой произошло резкое снижение количества заключенных до 1 325 003 чел. на 1 января 1954 г. [История сталинского ГУЛАГа, т. 4, с. 130].

Среди вновь осужденных значительную часть составляли профессиональные воры, их количество в годы послевоенной разрухи значительно выросло. Кроме того, увеличилось число осужденных за такие тяжкие преступления, как бандитизм, вооруженное ограбление и разбой. На 1 июля 1946 г. данная категория насчитывала 73 433 чел., а к 1 сентября 1947 г. – 92 931 чел. [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2563. Л. 22]. С 5,2 % в 1948 г. до 25,4 % в 1952 г. увеличилась доля лиц, имевших сроки

наказания от 10 до 25 лет. По мнению гулаговских оперативников, доля особо опасного элемента в местах заключения составляла около 40 % [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2563. Л. 22]. Таким образом, произошло «паразитическое перенаселение» ГУЛАГа, как назвал это явление исследователь социальных конфликтов в СССР В. А. Козлов [Козлов, с. 59].

Указанные факторы привели к значительному ухудшению качества питания заключенных, росту смертности среди них. В 1947 г. по сравнению с 1946 г. этот показатель увеличился более чем в два раза – с 30 715 до 66 830 чел., максимальное количество за весь послевоенный период [ГУЛАГ, с. 441–442]. В этой ситуации «отошедшие», количество которых после проведения демобилизации и массовых посадок значительно выросло, предприняли попытку оттеснить «воров в законе» от неформальной власти в борьбе за скудные лагерные ресурсы.

Эскалации конфликта способствовала отмена смертной казни в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. Принятие этого документа привело к тому, что преступники, имевшие максимальные сроки заключения, при совершении новых преступлений оставались практически безнаказанными. Новый срок прибавлялся к имеющемуся, но в итоге наказание не могло превышать установленного в Уголовном кодексе срока в 25 лет. Характерной для части бандитствующих уголовников была позиция рецидивиста Разворотного, совершившего в лагере шесть убийств. На допросе он заявил: «Резал и буду резать, и ничего вы мне сделать не можете, расстрел отменен, больше, чем я имею, мне не дадут, а прибавка к 25 годам еще одного месяца значения не имеет» [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 326. Л. 87].

Начало массовых столкновений между криминальными группировками пришлось на конец 1947 г., примерно через полгода после выхода указов от 4 июня 1947 г., когда «указники» (часть из них составляли уголовники-рецидивисты) стали пополнять места лишения свободы. Уже на 1 июля 1947 г. в лагерях и колониях было взято на оперативный учет 23 459 чел. из числа активного бандитствующего элемента. За 11 месяцев 1947 г. за лагерный бандитизм было осуждено 24 496 чел., в то время как за аналогичный период 1946 г. – всего 1 197 чел. [Там же. Д. 2563. Л. 2]. Однако, как показали последующие события, это была лишь малая часть преимущественно рядовых участников конфликта.

Анализируя состав основных участников противостоящих группировок, можно выделить три основные группировки: «воры в законе», «отошедшие» и «беспредел».

«Воры в законе» – довольно сплоченное, организованное и многочисленное сообщество. Среди его членов более 50 % составляла молодежь в возрасте от 18 до 30 лет. Входили в него и женщины, проходившие по оперативному учету как «воровки в законе». Формально все члены воровской общины были равны, но фактически среди них существовала своя внутренняя иерархия, во главе которой стояли наиболее авторитетные воры-рецидивисты с большим криминаль-

ным стажем («центровые воры», «паханы»), основные блюстители и толкователи «воровского закона». На нижнем уровне находились «шестерки», «молодые воры», претендующие на место в общине, основная ударная сила «воровской армии». Необходимо отметить, что в криминальной войне именно молодежь составляла наиболее массовую и активную часть криминальных группировок.

«Отошедшие» («воры вне закона») по составу и структуре были схожи с «законниками». Лидерами сообщества также являлись воры-рецидивисты, преимущественно еще с довоенным стажем. Вместе с тем это было менее монолитное и менее многочисленное объединение. От него постоянно откалывались целые группы, создававшие собственные банды.

В ходе конфликта сформировалась еще одна группировка, «беспредел» («махновцы», «анархисты») – это уголовники, враждовавшие как с «законниками», так и с «отошедшими». Большую их часть составляли преступники, недовольные главенством воров, но презиравшие «отошедших» за «измену». Кроме того, участниками «беспредела» были бывшие «законники», побывавшие в руках «отошедших», не выдержавшие издевательств и признавшие их главенство. «Махновцы» – наиболее малочисленная из трех перечисленных выше, но самая агрессивная группировка, не признававшая никаких законов и правил.

Наряду с этими имелось множество более мелких объединений. Как отмечал во время одного из своих выступлений министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов, «эти группы, как известно, имеют различные клички и наименования, свои правила поведения. Однако, как бы они ни назывались, существо их остается одним: это опасные формирования преступников» [ГУЛАГ, с. 675]. В целом, по мнению оперативников ГУЛАГа, количество активных участников группировок составляло около 10 % от всего лагерного населения [Монахов, с. 4].

Самой многочисленной социальной группой в лагерной среде являлись «мужики» («бытовики») – осужденные за совершение должностных, служебных и бытовых преступлений, мелкие расхитители, не относившиеся к профессиональным преступникам и не претендовавшие на неформальную власть. Это была основная рабочая сила лагерей и колоний, обозначенная в гулаговских документах как «положительный контингент». В конфликте преступных группировок они первоначально занимали нейтральную позицию, но так или иначе были втянуты в междоусобицу.

Основными подразделениями, призванными бороться с пенитенциарной преступностью, были следующие: военизированная охрана, отвечавшая за охрану внешнего периметра лагерей и колоний, конвоирование заключенных, поиск бежавших преступников и обеспечивавшая силовую составляющую при пресечении противоправных действий осужденных; надзирательский состав, ответственный за соблюдение требований режима; оперативный аппарат, основные задачи которого – выявление лиц, совершивших или готовящихся совер-

шить правонарушения, профилактика и раскрытие пенитенциарных преступлений.

Анализируя состав этих подразделений, необходимо отметить, что они испытывали постоянный дефицит кадров. В исследуемый период лимит военизированной охраны (далее – ВОХР), утвержденный правительством, колебался от 9 % в 1947 г. до 9,84 % в 1954 г. к общей численности заключенных и составлял на 1 августа 1947 г. 174 288 чел. по штату, 171 180 – в наличии, на 1 января 1951 г., соответственно, 241 269 и 215 335 чел., на 1 января 1954 г. – 117 485 и 116 356 чел. [ГУЛАГ, с. 319, 375–376].

Штат надзорсостава комплектовался из расчета 1,5 % от списочного состава заключенных, в специальных лагерных подразделениях строгого режима – 12 %. На 1 сентября 1947 г. служба насчитывала 17 008 чел., некомплект составлял 7,7 % [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2532. Л. 31, 112], на 1 января 1951 г., соответственно, 32 367 чел. и 15,1 % [Там же. Оп. 3. Д. 112. Л. 19], на 1 января 1953 г. – 36 257 чел. и 8 % [История сталинского ГУЛАГа, т. 4, с. 316].

Сложной была кадровая ситуация с оперативным составом. На 1 января 1951 г. в составе первых (оперативных) отделов и отделений имелся 3 671 оперработник. Некомплект составлял 11 % [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 3. Д. 112. Л. 70]. В среднем на одного оперативного работника приходилось около 700 заключенных. Хронический недокомплект личного состава, его низкие качественные показатели стали одной из причин, способствовавших разрастанию столкновений.

Основными очагами конфликта и ареной наиболее кровавого противостояния являлись северные и северо-восточные ИТЛ, прежде всего воркутинские и колымские, в которых содержалась воровская «элита», наиболее опасные рецидивисты из числа как «законников», так и «отошедших». Кроме того, в этих лагерях была самая высокая концентрация профессиональных преступников. Условия содержания в них были значительно тяжелее, чем в других лагерях, поэтому и борьба за место под солнцем была намного ожесточеннее. В ИТУ других регионов страны противостояние уголовников обострилось в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

На начальном этапе конфликта руководство ряда лагерей и колоний, исходя из того, что «отошедшие» не отказывались работать и вступали в контакт с администрацией, сочло их вставшими на путь исправления. «Отошедшие» были поставлены в привилегированное положение. Им на откуп были отданы места в низовой лагерной администрации. Усиливая позиции этой категории осужденных, руководство попыталось использовать их для уменьшения влияния воровского сообщества на лагерный контингент. При этом до определенного времени не обращалось внимания на методы, с помощью которых решались эти задачи, а метод был один – насилие, не останавливавшееся ни перед чем, в том числе перед убийствами. Дальнейшие события показали глубокую ошибочность подобной политики.

«Отошедшие», поддерживаемые пенитенциарной администрацией, стали быстро утверждаться в качестве новой неформальной власти в лагерях и колониях, что привело к разрастанию их конфликта с «законниками». Началась настоящая криминальная война, сопровождавшаяся многочисленными жертвами. Так, в Ургальском ИТЛ 20 октября 1947 г. группа заключенных-рецидивистов в количестве 11 чел. напала с топорами и ножами на противостоявшую им преступную группировку. Было убито 7, ранено 2 чел. [История сталинского ГУЛАГа, т. 6, с. 656]. В ИТЛ строительства № 503 в марте 1950 г. группа бандитствующих заключенных из 7 чел. отобрала у охранявшего их самоохранника автомат и учинила расправу над заключенными из враждующей группировки, расстреляв 11 и тяжело ранив 2 чел. [ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1506. Л. 65]. В первом лагерном отделении Енисейского ИТЛ в ночь с 8 на 9 мая 1950 г. в результате бандитских разборок было убито 13 чел.

В некоторых ИТУ убийства заключенных приобрели массовый характер. Так, за первый квартал 1951 г. в Печорском ИТЛ враждующими группировками было совершено 14 убийств, в Карлаге, Норильлаге и Нижамурлаге – по 10, в Краслаге – 29 [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2565. Л. 79]. Количество совершенных убийств стало мерилom авторитетности преступников, оно позволяло им повысить свой статус в криминальном мире. Появилась категория уголовников, нацеленных на совершение убийств. Например, в феврале 1952 г. такая группа была выявлена в лагерном пункте строгого режима № 504 Ангарского ИТЛ. Стремясь стать «авторитетами», в течение 13–16 января 1952 г. они убили троих и ранили двух заключенных, а всего планировали совершить не менее 20 убийств [История сталинского ГУЛАГа, т. 6, с. 242]. Об уровне насилия в ИТУ СССР свидетельствуют следующие цифры: если в 1946 г. в ИТУ был убит (ранен) 1 361 заключенный, то в 1947 г. – 1 772, в 1948 г. – 2 634. За два года рост составил почти 200 % [Уголовно-исполнительная система, с. 138].

Как отмечалось нами ранее, в начале конфликта руководство лагерной системы не предприняло мер по его купированию. Основным показателем эффективного управления конкретным ИТУ являлся процент выполнения плана. Пока план выполнялся, на многое закрывали глаза, и когда возникали противоречия между реализацией пенитенциарной и производственной функций, приоритет отдавался последней.

Первым тревогу подняло руководство оперативными подразделениями ГУЛАГа, обладавшее большой информацией о разгоравшемся конфликте и предложившее изолировать бандитствующий элемент в специально созданных в отдаленных местностях ИТЛ со строгим режимом содержания [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2563. Л. 23]. Эти предложения были частично реализованы: 31 декабря 1948 г. был подписан приказ МВД СССР № 001516 «Об организации специальных лагерных подразделений строгого режима в ИТЛ МВД

и УИТЛК (Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний. – Ю. П., И. И.) МВД – УМВД», в соответствии с которым предусматривалось открытие в течение 1949 г. таких подразделений с лимитом наполнения 75 тыс. чел. [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2565. Л. 151]. На 1 июля 1950 г. было построено спецподразделений только на 35 650 мест [Уголовно-исполнительная система, с. 138].

Разрастающийся конфликт актуализировал вопрос об отношении к «отошедшим». Эта проблема рассматривалась на совещании работников ИТУ МВД СССР, состоявшемся в конце 1949 г. В ходе обсуждения руководители ряда ИТУ признали, что было допущено много ошибок в борьбе с преступными группировками, особенно с «отошедшими», которые оказались «еще циничнее, беспощаднее воров-законников» [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 603. Л. 10]. Порядок в лагерях не только не улучшился, но и значительно ухудшился. Убийства стали обыденным явлением. Всего за 1949 г. было убито и ранено 1 748 заключенных [Уголовно-исполнительная система, с. 138].

В указании ГУЛАГа от 30 ноября / 2 декабря 1949 г. № 9/9/831 начальникам первых отделов (отделений) (по оперативной работе и охране) отмечалось, что использование уголовников для повышения дисциплины среди остальной части заключенных и увеличения производительности труда себя не оправдывает [История сталинского ГУЛАГа, т. 6, с. 207]. Примечательно, что факт использования одних преступников для борьбы с другими у руководства ГУЛАГа не вызвал особого возражения.

Внимание оперативного состава обращалось на недопустимость ослабления агентурно-оперативной работы среди «отошедших» и использования их в качестве низовой лагерной администрации. Однако в ряде лагерей и колоний на протяжении длительного времени эти указания не были выполнены. В справке первого (оперативного) отдела ГУЛАГа, датированной 26 февраля 1951 г., отмечалось, что «1-е отделы лагерей недостаточно настойчиво ставят вопрос перед руководством лагеря об освобождении с низовой лагерной работы уголовно-бандитствующего элемента, неоднократно судимого за убийства и грабежи» [Там же, т. 4, с. 301].

Криминальный террор нарастал. Наиболее сложная обстановка сложилась в ИТЛ ГУЛЛП (Главного управления лагерей лесной промышленности) и ИТЛ ГУЛЖДС (Главного управления лагерей железнодорожного строительства). В лагерях этих управлений за 1950 г. произошло, соответственно, 191 и 175 случаев бандитизма, в результате было убито 297 заключенных. Самыми неблагополучными являлись Каргопольлаг, Краслаг, Ивдельлаг, Нижнеамурлаг, Печорлаг, Анггарлаг [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2565. Л. 2, 16]. В связи с ухудшением оперативной обстановки, вызванным активизацией бандитов, приказом МВД СССР от 2 декабря 1950 г. № 00702 предписывалось дополнительно оборудовать специальные лагерные подразделения на 37 350 чел. Строительство должно было завершиться к 1 июля

1951 г. Кроме того, для особо злостных нарушителей режима Тюремным управлением в соответствии с приказом МВД № 00721–50 было выделено 14 тыс. мест [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 3. Д. 112. Л. 18].

На 1 апреля 1951 г., по неполным данным, в специальных лагерных подразделениях имеющийся лимит наполнения составил 33 300 чел., содержалось 35 852 чел. Однако в отдельных лагерях к этой работе фактически не приступали. Например, в Обском ИТЛ из установленного на 1951 г. лимита наполняемости спецподразделений в 3 500 чел. на 20 марта 1952 г. они были построены только на 360 чел. В этом лагере не было построено ни одного штрафного лагерного пункта. Штрафные изоляторы имелись не во всех лагерных подразделениях, а в шести были непригодными для эксплуатации [ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1489. Л. 44]. Это при том, что данный лагерь по уровню пенитенциарной преступности находился в числе наиболее неблагополучных. В 1951 г. нем было убито 82 чел. [Там же].

13 февраля 1950 г. вышла директива МВД СССР № 113–1950, потребовавшая от руководства ГУЛАГа усиления борьбы с бандитскими проявлениями в ИТУ. К этой директиве прилагались указания «О порядке организации надзора за заключенными и мерах борьбы с нарушениями лагерного режима в исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД». Определенный в этом документе перечень мероприятий, направленных на искоренение преступлений в местах лишения свободы, не отличался новизной: предлагалось исключить использование в качестве низовой лагерной администрации и в лагерной службе заключенных, осужденных за бандитизм, разбой, убийства, грабеж, и рецидивистов, ориентировать агентуру на выявление лидеров и активных членов бандитских группировок [История сталинского ГУЛАГа, т. 4, с. 289–290]. Подобные приказы и директивы выходили и в последующие годы: только за первое полугодие 1951 г. С. Н. Кругловым и его заместителями было подписано около 150 указаний, направленных на укрепление режима [ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1505. Л. 125]. Однако зачастую приказы в установленный срок не исполнялись, затягивалось проведение установленных мероприятий.

Начиная с 1950 г. руководство пенитенциарной системы неоднократно обращалось к руководству страны с ходатайствами о введении смертной казни за бандитизм и убийства, совершенные в местах заключения, признавая невозможность решения конфликта доступными ему средствами. Однако руководство страны не спешило с удовлетворением этого предложения.

В 1951 г. руководство ГУЛАГа сосредоточило внимание на разведении враждующих группировок по различным лагерным подразделениям. Кроме того, на основании приказа МВД СССР от 13 февраля 1951 г. № 0065 «О бандитских проявлениях среди заключенных в Каргопольлаге и Краслаге и мерах усиления борьбы с этими преступлениями в лагерях лесной промышленности» в ИТЛ были созданы специальные лагерные пункты по типу тюрем для содержа-

ния без вывода на работу заключенных из числа особо опасного уголовно-бандитствующего элемента. Расширилась практика перевода этой категории заключенных на тюремный режим [История сталинского ГУЛАГа, т. 6, с. 658]. Так, на 1 сентября 1951 г. в тюрьмы было водворено 10 876 чел.

С целью изучения реального состояния дел и выработки конкретных мероприятий по улучшению деятельности в 1951 г. в 48 ИТЛ были отправлены инспекционные бригады МВД СССР [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 326. Л. 142]. Проверяющие констатировали серьезное ухудшение оперативной обстановки, падение дисциплины не только в строгорежимных, но и в обычных лагерях, невыполнение требований руководящих документов. Так, в актах проверки Усольского и Кизеловского ИТЛ указывалось на то, что приказ МВД СССР № 0190–47 г. не выполнен в части размещения заключенных с учетом статейных признаков, подбор лагерной obsługi и заключенных на низшие административно-хозяйственные должности проведен с нарушением требований МВД СССР, организация лагерных подразделений строгого режима проходит неудовлетворительно, оперативная работа организована плохо. Из многочисленного на бумаге негласного аппарата реально работало не более 30 %. Однако даже на полученную информацию руководство колоний зачастую не реагировало должным образом [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 416. Л. 8]. Подобная обстановка сложилась в ряде других лагерей.

По результатам проверок была проведена определенная работа по устранению выявленных недостатков. К концу 1951 г. около 12 тыс. заключенных были направлены в тюрьмы, в специальные подразделения строгого режима – 25 500, в подразделения усиленного режима – 470 285. Было построено 194 ШИЗО (штрафных изолятора), 37 штрафных лагерных пунктов, 191 лагпункт усиленного режима [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 326. Л. 142].

С начала 1950-х гг. улучшили свою работу сотрудники оперативного аппарата лагерей и колоний. В течение 1952 г. ими было вскрыто и предотвращено 9 206 случаев готовившихся бандитских проявлений и убийств. В результате проведенных мероприятий количество убитых и раненых среди заключенных в ходе бандитских проявлений в 1952 г. по сравнению с 1951 г. значительно сократилось [История сталинского ГУЛАГа, т. 4, с. 317].

Однако криминогенная ситуация в ИТЛ и ИТК продолжала оставаться очень сложной. В 1951 г. было убито 2 011 и ранено 1 180 заключенных, в 1952 г. – 1 284 и 573 [Там же, т. 6, с. 684]. Распоясавшиеся бандиты пытались диктовать свою волю администрации, для чего организовывали акции массового неповиновения, убийства пенитенциарного персонала. Только за первый квартал 1951 г. по неполным данным в ИТЛ было зарегистрировано 17 убийств и ранений сотрудников, 21 организованное выступление заключенных [Там же, с. 215].

В Красноярском ИТЛ 26 июля 1951 г. рецидивисты организовали массовые беспорядки с участием свыше 800 чел. Захватив зону, они учинили погром, в ходе которого было убито 5 вольнонаемных, включая начальника ОЛП. При подавлении беспорядков было убито 33 и ранено 76 заключенных [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 326. Л. 140]. Подобные факты имели место в Ивдельском и Каргопольском ИТЛ [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 280. Л. 98, 99].

В результате криминальной войны значительно вырос уровень насилия в отношении «мужиков», что привело к их консолидации и оказанию ими сопротивления уголовникам. Так, 10 января 1951 г. в 108 лагпункте ИТЛ строительства № 501 в ответ на притеснения уголовников произошли массовые беспорядки, в которых участвовало до 400 заключенных. В результате погибли 4 чел. и были ранены 11 чел. [История сталинского ГУЛАГа, т. 6, с. 235]. В лагпункте № 5 Печорского ИТЛ в начале 1951 г. заключенные учинили расправу над группой «отошедших», систематически грабивших остальной контингент. Было убито 3 и ранено 3 чел. [ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1500. Л. 37].

Выступления обычно безропотных «мужиков» против бандитского беспредела – новое и очень опасное для гугаговской системы явление. Дальнейшее раскачивание ситуации могло привести к полной потере управляемости ИТУ с вытекающими из этого последствиями. В этой ситуации руководство страны пошло на крайние меры: 13 января 1953 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому дела об особо злостных бандитских нападениях, сопровождающихся убийствами, подлежали рассмотрению в военных трибуналах войск МГБ СССР и специальных судах. К виновным в этих преступлениях могла применяться смертная казнь [История сталинского ГУЛАГа, т. 6, с. 668]. Однако данный указ применялся очень осторожно, поскольку изменения, происходившие в уголовной политике государства, начавшиеся после смерти И. В. Сталина, породили у администрации ИТУ и в судебской среде некоторую растерянность. В результате эти люди заняли выжидательную позицию. Так, за девять месяцев после выхода указа было осуждено всего 52 чел., из них к смертной казни были приговорены 15 чел. [ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 194. Л. 171]. Такая правоприменительная практика не остановила разгул преступности. За 1953 г. было убито 636 заключенных.

Вспышка насилия в значительной степени была обусловлена амнистией, проведенной в марте – июне 1953 г. В результате на свободу вышло более 1,2 млн чел., преимущественно положительного контингента. Осужденные за совершение тяжких преступлений рецидивисты не подлежали амнистии. Это вызвало усиление террора в отношении пенитенциарного персонала. С июня по ноябрь 1953 г. было убито 11 чел., в том числе 3 надзирателя, 5 вольнонаемных, 3 офицера; ранения получили 23 чел. [ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 194. Л. 174].

Все более массовыми и ожесточенными становились столкновения «мужиков» с бандитствующими уголовниками. 10 ноября 1953 г.

в лагпункте 4-го отделения Печорского ИТЛ в ответ на попытку грабежа со стороны «отошедших» произошло массовое выступление заключенных из числа рабочего контингента. В результате было убито 24 (в том числе 21 «отошедший») и ранено 36 заключенных [История сталинского ГУЛАГа, т. 6, с. 576–579]. Аналогичные события произошли 28 ноября 1953 г. в Унжлаге, где было убито 22 и ранено 16 заключенных [ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 194. Л. 173].

В ходе этого противостояния росло самосознание «мужиков», и они, защищая свои права, стали оказывать давление на лагерный персонал. С начала 1950-х гг. возросло количество массовых выступлений, спровоцированных беззакониями и издевательствами персонала лагерей и колоний. Заключенные прибегали даже к такому нехарактерному для них методу сопротивления, как голодовка. Так, в феврале 1953 г. около 500 заключенных Воркутлага объявили голодовку в связи с издевательствами над ними работников ВОХР и надзорслужбы [РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 892. Л. 128–134]. Летом 1953 г. в Красноярском ИТЛ имела место массовая голодовка из-за действий надзорсостава, поместивших в карцер без достаточных оснований больше 40 чел. [ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 196. Л. 131].

1954 г. для исправительно-трудовой системы начался с чрезвычайных происшествий: в январе 1954 г. в Вятлаге группа бандитов устроила акцию массового неповиновения и под угрозой холодного оружия заставила примкнуть к ней остальных заключенных. Захватив жилую зону, они устроили погром. В ходе подавления этого выступления было убито 26 и ранено 93 заключенных, из них в течение суток умерло 26 чел. 6 февраля 1954 г. в Бодайбинском ИТЛ произошло столкновение враждующих группировок, в ходе которого было убито 20 заключенных. 14 февраля в Норильском ИТЛ в результате противостояния было убито 8 заключенных [История сталинского ГУЛАГа, т. 6, с. 644, 599]. Однако к концу 1954 г. наступил перелом в конфликте.

Прежде всего это было связано с тем, что к концу этого года удалось почти полностью развести членов противоборствующих группировок по отдельным лагерям и колониям, что привело к уменьшению количества случаев бандитизма. Так, в 1948 г. в ИТЛ и ИТК, согласно официальным данным, число таких случаев составило 2300, в 1949 г. – 1834, 1950 г. – 1392, 1951 г. – 1470, 1952 г. – 1017, 1953 г. – 474, 1954 г. – 410, 1955 г. – 250 [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 608. Л. 35].

Кроме того, улучшилась работа оперативного аппарата по выявлению активных членов преступных сообществ. На 1 июля 1954 г. доля «воров в законе» и их окружения составляла в общей массе заключенных 4,4 %, а отошедших – 1,1 % [Уголовно-исполнительная система, с. 138, 139]. Большая часть наиболее непримиримых лидеров группировок погибла или была изолирована на тюремном режиме.

В ходе конфликта менялся «воровской закон», его требования становились менее жесткими. Значительно улучшились питание и условия содержания в местах лишения свободы. А самое главное – у «отошед-

ших» закончился административный ресурс, а без поддержки лагерной администрации они быстро потеряли свои позиции в криминальной иерархии. Таким образом, накал конфликта удалось сбить, но проблема не была решена. Полностью прекратить криминальную войну не удалось, ее отдельные инциденты продолжались вплоть до конца 1950-х гг.

Подводя итоги исследования, необходимо отметить, что гулаговская система в конце 1940-х – начале 1950-х гг. испытала беспрецедентное давление, вызванное комплексом причин, одной из них была криминальная война, которую она отчасти спровоцировала. В организационном, правовом, методическом отношении лагерная система оказалась неспособной дать эффективный ответ на разраставшийся конфликт, купировать его на начальной стадии.

Руководство лагерной системы попыталось решить проблему традиционным способом – эскалацией насилия. Однако в изменившейся социально-политической обстановке этот способ оказался неэффективным. Пенитенциарный персонал не был готов к проведению профилактической работы с членами преступных группировок, зачастую проявляя профессиональную беспомощность и трусость. Требования об изоляции основных участников противостояния нередко саботировались на местах, поскольку это нарушало сложившуюся систему управления исправительными учреждениями, когда «социально близкие» уголовники за получение режимных послаблений использовались как инструмент поддержания порядка в ИТУ, стимулирования трудовой активности заключенных. Лишившись привычного инструментария, часть руководителей утратила контроль за ситуацией.

Не удалось минимизировать воздействие криминальной субкультуры на заключенных, поскольку гулаговская система, называвшаяся исправительно-трудовой, по факту таковой никогда не являлась, она скорее была карательно-трудовой. Антигуманная практика ГУЛАГа не только не способствовала формированию правопослушного поведения, но и продуцировала культ насилия и произвола, позволяла распространять воровскую идеологию.

Бандитский террор привел к консолидации положительного контингента, а неспособность лагерной системы обеспечить условия содержания, исключающие угрозу жизни и здоровью заключенных, вынудила положительный контингент решать проблему доступными ему средствами. В результате отпор уголовникам перерос в борьбу за свои права. Выступления положительного контингента – основной рабочей силы лагерей и колоний – для гулаговской системы были значительно опаснее, чем бандитские разборки: они грозили ее разрушением, дестабилизацией обстановки в стране. Именно поэтому неудивительно, что после смерти И. В. Сталина институциональные изменения в государстве начались в пенитенциарной системе – опорной конструкции сталинской модели государственного устройства. С 1956 г. система исполнения наказаний официально перестала быть лагерной.

Список литературы

ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1489, 1500, 1503, 1505, 1506; Ф. 9414. Оп. 1. Д. 326, 334, 416, 603, 608, 2532, 2551, 2563, 2565; Оп. 3. Д. 112; Оп. 4. Д. 202; Ф. 9492. Оп. 5. Д. 194, 196.

ГУЛАГ: Главное управление лагерей : 1918–1960 / под ред. А. Н. Яковлева ; сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М. : Материк : Междунар. фонд «Демократия», 2002. 885 с.

История сталинского ГУЛАГа : Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. док. : в 7 т. М. : РОССПЭН, 2004. Т. 3. Экономика ГУЛАГА. 623 с. Т. 4. Население ГУЛАГа: численность и условия содержания. 621 с. Т. 6. Восстания, бунты и забастовки заключенных. 734 с.

Козлов В. А. Неизвестный СССР : Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М. : ОЛМА-Пресс, 2006. 446 с.

Монахов В. И. Группировки воров-рецидивистов и некоторые вопросы борьбы с ними. М. : Изд-во Политотдела Гос. упр. исправит.-труд. колониями МВД СССР, 1957. 79 с.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 280; Ф. 82. Оп. 2. Д. 892.

Уголовно-исполнительная система, 125 лет / под общ. ред. Ю. Я. Чайки. М. : Новости, 2004. 288 с.

References

Chaika, Yu. Ya. (Ed.). (2004). *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema, 125 let* [The Penal System, 125th Anniversary]. Moscow, Novosti. 288 p.

GARF [State Archives of the Russian Federation]. Stock 9407. List 1. Dos. 1489, 1500, 1503, 1505, 1506; Stock 9414. List 1. Dos. 326, 334, 416, 603, 608, 2532, 2551, 2563, 2565; List 3. Dos. 112; List 4. Dos. 202; Stock 9492. List 5. Dos. 194, 196.

Istoriya stalinskogo GULAGa. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov. Sbornik dokumentov v 7 t. [The History of the Stalinist Gulag. Late 1920s – First Half of the 1950s. Collection of Documents. 7 Vols.]. (2004). Moscow, ROSSPEN. Vol. 3. Ekonomika GULAGA. 623 p. Vol. 4. Naselenie GULAGa: chislennost' i usloviya soderzhaniya. 621 p. Vol. 6. Vosstaniya, bunt i zabastovki zaklyuchennykh. 734 p.

Kozlov, V. A. (2006). *Neizvestnyi SSSR. Protivostoyaniye naroda i vlasti 1953–1985 gg.* [The Unknown USSR. The Confrontation between the People and the Authorities 1953–1985]. Moscow, OLMA-Press. 446 p.

Monakhov, V. I. (1957). *Gruppirovki vorov-retsdivistov i nekotorye voprosy bor'by s nimi* [Groupings of Recidivist Thieves and Some Issues of Dealing with Them]. Moscow, Izdatel'stvo Politotдела Gosudarstvennogo upravleniya ispravitel'no-trudovymi koloniyami Ministerstva vnutrennikh del SSSR. 79 p.

RGASPI [Russian State Archive of Socio-Political History]. Stock 17. List 136. Dos. 280; Stock 82. List 2. Dos. 892.

Yakovlev, A. N., Kokurin, A. I., Petrov, N. V. (Eds.). (2002). *GULAG: Glavnoe upravlenie lagerei. 1918–1960* [The Gulag: the Main Administration of Camps. 1918–1960]. Moscow, Materik, Mezhdunarodnyi fond “Demokratiya”. 885 p.

The article was submitted on 25.05.2021